

УДК 016:72+72.032:016

КРЫМСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ М. В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКОГО: ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА ЖЕНЫ

Лебедева В. М.

*Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь
E-mail: lebedeva@gsu.by*

Среди биографических материалов М. В. Довнар-Запольского особое место занимает дневник его третьей жены Надежды Маркиановны. В середине 90-х гг. XX в. он был передан внуком ученого В. Савицким из московского семейного архива белорусскому исследователю А. С. Лису, а последний любезно предоставил его в пользование автору этих строк.

По свидетельству А. С. Лиса, в семье хранилось около десятка общих тетрадей-дневников Надежды Маркиановны, однако в середине 60-х гг. XX в. она собственноручно составила некую сокращенную версию объемом в одну тетрадь. Записи в ней охватывают период от 1912 до 1936 гг., причем до августа 1921 г. они, вероятно, повторяют первоначальный вариант регулярных датированных записей, а с означенной даты содержат существенные дополнения по памяти. Последнее обстоятельство разрушает традиционную хронологическую структуру дневниковых записей и придает документу мемуарный элемент. Выяснить причины появления нового варианта дневника не представилось возможным. Но поскольку дополнения связаны именно с периодом знакомства и совместной жизни с М. В. Довнар-Запольским, возникает предположение, что восстановление воспоминаний могло быть связано с 100-летним юбилеем ученого, который отмечался в 1967 г. Не исключено, что дополнения могли быть сделаны и по некому заказу.

При лапидарности записей и их преимущественно житейском характере дневник является ценным, а в некоторых случаях и уникальным источником для реконструкции биографии М. В. Довнар-Запольского, поскольку дает сведения как раз о тех периодах его жизни, которые наименее подтверждены другими документальными источниками: крымском, бакинском, харьковском и последнем московском. Кроме того, впечатления и характеристики близкого человека позволяют представить психологический портрет такой сложной и неоднозначной личности, как М. Довнар-Запольский.

Отметим также, что дневник является важнейшим источником сведений о самом авторе записей – третьей жене М. В. Довнар-Запольского. Надежда Маркиановна (в девичестве Федорович) родилась, видимо, в Харькове (во всяком случае, тут прошли ее детство и юность) в интеллигентной семье. Ее отец, судя по записям, был архивистом, поддерживал широкие связи с научными и культурными центрами в Киеве, Харькове, Петербурге. Рано оставшись без матери, Надежда Маркиановна воспитывалась бабушкой и отцом. В Харькове она закончила Женский институт, увлеклась языками – французским и немецким, которые усердствовала на курсах в Париже, а затем в Дижонском университете. Вернувшись домой, Надежда Фе-

дорович преподавала в одной из харьковских гимназий. В 1918 г. вышла без особой привязанности замуж за выпускника юридического факультета Варшавского университета. Совместная их жизнь оказалась недолгой – в 1919 г. муж отправился офицером в Белую армию, а Надежда в декабре того же года вместе с отцом направилась в Крым, куда от ужасов гражданской войны, по ее замечанию, «хлынула масса людей». Отец Надежды был приглашен на должность архивариуса в Керченский музей его директором Константином Эдуардовичем Гриневичем (как выясняется из дневника, присланным в Керчь из Петербурга старым знакомым семьи).

События жизни в Керчи и обстоятельства знакомства с М. В. Довнар-Запольским описаны в представленном ниже фрагменте дневника Надежды Маркиановны. Кроме биографического значения, он представляет интерес также тем, что дополняет известные по публикациям профессоров П. И. Гарчева и А. А. Непомнящего сведения об открытии Таврического и Боспорского университетов, участии в его подготовке М. В. Довнар-Запольского, и вообще о пребывании его в Крыму в этот период.

Как известно, работа над проектами Таврического университета велась на протяжении 1917–1918 гг. Из документов следует, что на начальном этапе, в конце октября – ноябре 1917 г., разработка велась именно под руководством М. Довнар-Запольского. С 24 октября 1917 г. под его началом происходили регулярные заседания коллегии ялтинских профессоров для обсуждения плана открытия филиала Киевского университета в Ливадии. 30 ноября городская дума заслушала доклад управы об открытии университета, а также комментарий к нему М. Довнар-Запольского и выразила последнему благодарность за работу и обещание дальнейшей поддержки университета. В январе 1918 г. именно М. Довнар-Запольскому поручено было представить согласованный с земством план открытия университета комиссару С. С. Крыму [1].

Однако сопоставление этих сведений с другими источниками позволяет усомниться в достоверности последнего факта и предположить, что где-то с середины декабря 1917 г. М. В. Довнар-Запольский отходит от участия в подготовке Таврического университета, если вообще не покидает Крым. Так, в публикации П. И. Гарчева достаточно подробно освещающей события, имя М. Довнар-Запольского в заседаниях ялтинской профессорской коллегии не указывается, начиная с 17 декабря. Нет его и в перечне профессоров, приехавших из Киева весной 1918 г. и открывших университет в июне [2].

На наш взгляд, причиной прекращения участия М. Довнар-Запольского в делах университета мог стать приход к власти в Симферополе большевиков, соприкосновение с которыми уже успело оставить в биографии ученого один из самых драматичных эпизодов. Ведь в феврале–марте того же 1917 г. левонастроенные студенты Киевского коммерческого института добились отстранения ученого от директорства в созданном им же институте, а пробольшевистская Киевская рада депутатов завела на него судебное дело о сотрудничестве с царским режимом, угрожая смертным приговором.

Достоверно известно, что когда в первой половине апреля 1918 г. правительство Советской Республики Тавриды обнародовало свои проекты открытия «Тавриче-

ского филиального отделения университета святого Владимира в Ялте» и университета в Ливадии, М. Довнар-Запольский уже находился в Киеве и его деятельность была переключена на совсем иную проблему. Ученый оказался свидетелем и участником процесса национально-государственного самоопределения двух его родин – Беларуси и Украины.

В Киеве в этот период пытается укрепить свои позиции Украинская Народная Республика, а в Минске 9 марта 1918 г. была провозглашена Белорусская Народная Республика. Как известно, ученый становится едва ли не главной фигурой белорусского национального представительства в Киеве [3]. Он избирается председателем «Белорусской организации на территории Украины», принимает самое активное участие в официальных переговорах о границах между УНР и БНР, составляет рассчитанный на международную аудиторию программный манифест «Асновы дзяржаўнасці Беларусі», создает и возглавляет Белорусскую торговую палату в Киеве. Правда, новое направление деятельности, которое раскрыло М. Довнар-Запольского как патриота Беларуси и могло обещать ему новые перспективы, оказалось недолгим: уже осенью 1918 г. советские войска занимают территорию Беларуси и Белорусская Народная Республика фактически перестает существовать.

Кроме политических разочарований, наступивший 1919 г. принес М. Довнар-Запольскому и человеческие трагедии: почти одновременно в возрасте 20 и 21 года уходят из жизни его сыновья, которые успели отречься от отца – «реакционера» и стали активными большевиками. Почти парализованной оказалась работа Киевского университета и Археологического института, созданного М. Довнар-Запольским в начале 1917 г. Поэтому, когда в декабре 1919 г. к Киеву вновь подступили большевистские войска, ученый покинул город и направился в Новочеркасск, где в эвакуации из Беларуси находились его сестры, а также дочь. По свидетельству Н. Полонской-Василенко его намерением было продолжение контактов с деятелями Симферополя в деле организации университета.

Предыстория крымского периода жизни М. Довнар-Запольского позволяет, на наш взгляд, оценить масштаб его личности и степень жизнестойкости. Несмотря на свежую семейную трагедию и полный крах карьерных достижений в Киеве, он нашел в себе силы не только результативно продолжить профессиональное дело, но и начать новую личную жизнь с женщиной на 27 лет моложе себя, преодолев при этом разного рода формальные и неформальные препятствия: разницу в возрасте протест ее отца, сохранение брачного статуса обоих (официально брак был оформлен только в 1922 г. в Баку).

Сведения дневника Надежды Маркиановны поправляют дату создания Боспорского университета, приведенную в воспоминаниях В. И. Вернадского, где указан 1919 г. – его открытие состоялось только в марте 1920 г. Дневник также уточняет судьбы организаторов университета после его ликвидации приказом ЧК при Крымревком: дело закончилось не просто требованием покинуть Крым, а гораздо трагичнее и стоило некоторым жизни.

В публикуемом фрагменте дневника сохранены стиль и сокращения автора, правки внесены только в пунктуацию. К сожалению, раскрыть многие инициалы и

сокращенные имена не представляется возможным. Автор публикации с признательностью примет все замечания и дополнения к представленному материалу.

«9 ДЕКАБРЯ 1919. Вчера приехали в Керчь. Р. занимает хорошую квартиру, начали мы с папой искать себе, ничего подходящего не нашли, тогда К[онстантин] Эд[уардович] говорит: «Зачем Вам искать где-то себе какие-то комнаты, когда у меня при музее большая директорская квартира, выбирайте себе любые комнаты». Есть в музее сторож-смотритель, старый Франц и прислуга Маша. Но с утра сегодня я чувствую себя очень плохо, голова тяжелая, болит как-то так странно, что все время хочется лечь и лежать ни о чем не думая. Я так и сделала. Пока папа перебирался, я задремала на широченном диване у Р-х, [думая] какая заботливая Анна Ивановна и такая добрая. Как неприятно, что я с трудом перешла небольшое расстояние от их квартиры до музея, померили температуру – 37,8. Вероятно, сказывается дорога и всякие переживания.

7 ФЕВРАЛЯ 1920. Только вчера я первый раз вышла на воздух. У меня оказался брюшной тиф, вернее, паратиф. Папа встретил на другой день после моего заболевания знакомого врача из Харькова и тот, узнав, что я заболела, дал ему много порошков камфоры и посоветовал начать принимать их немедленно, и так, не пропуская ни одного дня, до кризиса. А кризис у меня был только на 19-й день!

8 ФЕВРАЛЯ 1920. Спас меня папа, так как я страдала во время болезни, но сознания не теряла вплоть до последних дней, потому что папа без конца целыми днями проводил лечение укутыванием в мокрые простыни ... Да, без этого ухода я давно бы умерла, но умирать в таком тяжелом состоянии легко. И я бы почувствовала только облегчение. Был такой один момент, когда мне казалось, что я выдержу больше такого состояния не смогу и ... я потеряла сознание. Это было в день кризиса... после этого дело пошло на выздоровление... но выздоравливать мне пришлось еще месяц.

9 ФЕВРАЛЯ 1920. Новый год пришел без моего участия в его встрече. Я не стояла в момент его прихода с бокалом в руке и с веселыми мыслями и надеждами в душе. Я лежала пластом в тяжелом состоянии. А папа встречал его тут же, в Музее, в столовой и когда я его звала, чтобы перевернуть меня или дать что-нибудь, а чаще всего – глоток лимонаду, он приходил и успокаивал меня. А когда встреча окончилась, он вдруг говорит: «ну, теперь спи и не стони громко, все легли спать, к нам приехал еще один профессор, который будет здесь жить. Он из Киева, ехал в командировку, но из Николаева в Одессу попасть не мог, с трудом удалось попасть на пароход, который, не заходя в Одессу, приплыл сюда. Его обокрали, взяли чемодан и пальто, и он остался в крылатке – черной пелерине, да в меховой поддевке без рукавов, в которой он в ту ночь лежал». Он пришел в Музей к Конст[антину] Эд[уардовичу] и говорит: «я пришел к Вам наниматься сторожем Музея. Если у Вас такового нет, а если есть, то его помощником. Я такой-то, со мной случилось то-то. У меня мало с собой денег, вещей нет, жить негде, никого я здесь не знаю». Ну, Конст[антин] Эд[уардович], конечно, сказал, что он может располагаться в одной из комнат его квартиры.

10 ФЕВР[АЛЯ] 1920. Пишу дневник ежедневно. У меня стриженная под машинку голова, я ее повязываю куском теплой материи песочного цвета. Лицо, очевидно,

так похудело, что К[онстантин] Эд[уардович] говорит, что я якобы очень похожа на Волоокую Геру. Я очень подружилась с Митрофаном Викторовичем – так зовут профессора Довнар-Запольского из Киева, который живет в комнате рядом. Он очень пожилой, старше Папы, но очень симпатичный, интересный собеседник. Каждый день ходит со мной гулять, говорит, что свежий воздух необходим и мне и ему. В первый раз я его увидела, когда уже выздоравливая, но еще не в состоянии держаться на ногах, лежала и не верила, что болезнь миновала, что я останусь в живых и даже, по словам чудесного, милого доктора Каракаш, буду еще здоровее... Как вдруг я услышала стук в дверь и какой-то человек, оказавшийся М[итрофаном] В[икторовичем], о котором я уже совсем забыла, и думать не думала, с копной курчавых волос на голове, в поддевке-безрукавке мехом вверх входит и просит разрешения взять несколько книг на полке, стоявшей против моей кровати: «Я возьму только две-три книги, очень тихо, чтобы не потревожить Вас», и в это время масса книг при его прикосновении с грохотом обрушилась на пол... Это было мое первое знакомство. Он очень простой и так интересно рассказывает, а я все больше молчу и слушаю. От прогулок я еще очень устаю.

11 ФЕВР[АЛЯ] 1920. По вторникам и субботам у нас в музее оживление. Очень много молодежи, и местной и приезжей, записались на «Курсы по археологии», открытые К[онстантином] Эд[уардовичем] при Музее. По этим дням и читаются лекции К[онстантином] Эд[уардовичем] по археологии, М[итрофаном] В[икторовичем] – по истории Керчи, папа – секретарь. Приезжает жена начальника порта с тремя дочерьми... Познакомились мы и с очень славным и неглупым ветврачом – С. Серг[еевич] Каг-ч и с парой художников, оба очень молодые.

12 ФЕВР[АЛЯ] 1920. Очень веселые у нас обеды. Устраиваем их вскладчину, называется эта складчина «Пантикопейская коммуна» – К[онстантин] Эд[уардович], М[итрофан] В[икторович] и я с Папой. Готовит Маша. К[онстантин] Э[дуардович] декламирует стихи, он их знает наизусть уйму, М[итрофан] В[икторович] и Папа всегда что-нибудь рассказывают интересное или анекдотическое. В общем очень оживленно. Приехал в Керчь Пав[ел] Ив[анович] Голландский, профессор-искусствовед, удивительно милый, простой и очень эрудированный. Часто к нам приходит...

13 ФЕВР[АЛЯ] 1920. К[онстантин] Эд[уардович] решил с новыми нашими знакомыми организовать небольшое, можно сказать, семейное, общество «Скарабей». Будем встречаться по субботам у начальника порта в квартире, читать новые стихи, беседовать на литературные темы, кто умеет, будет петь, я, конечно, буду играть на рояли и аккомпанировать. Силы постепенно у меня прибавляют, аппетит хороший, гуляем с М[итрофаном] В[икторовичем] ежедневно, я к нему привыкла. К[онстантин] Э[дуардович] тоже славный, он не говорит «садитесь пожалуйста» или «приходите к нам», а «присаживайтесь, пожалуйста» и «заходите к нам». Он – поляк, мать в Харькове, но о ней он говорит очень редко. Симферополь, говорят, масса профессуры, есть и из Харьковского Университета...

14 ФЕВР[АЛЯ] 1920. Сегодня был первый вечер у Л-х, много было гостей. Я была с К[онстантином] Э[дуардовичем] и М[итрофаном] В[икторовичем]. Папа не пошел. Чего-чего только не было на столе, и все очень вкусно приготовлено. Мару-

ся и Леля также любезны и милы, как всегда. К[онстантин] Э[дуардович] рассказывал, что в него была в Харькове влюблена одна гимназистка последнего класса из той гимназии, где он преподавал. В день его именин она преподнесла ему собственноручно вышитую рубашку, матери его она очень понравилась.

20 ФЕВР[АЛЯ] 1920. Вчера были на «Скарабее», вечер прошел очень удачно, много декламировали, я играла и аккомпанировала. Был сервирован чай. Возвращались втроем, все были в хорошем настроении. У М[итрофана] В[икторовича] проект открыть здесь филиал Симферопольского Университета – историко-филологический и юридический факультеты, послал он приглашения или вернее предложения двум профессорам-юристам из Харькова и одному финансисту из Москвы.

27 ФЕВР[АЛЯ] 1920. Вчера было торжественное заседание в городской думе. М[итрофан] В[икторович] выступал очень хорошо, доказывал, что здесь, в Керчи, необходимо давать высшее образование молодежи, открыть на средства местного купечества Боспорский университет как отделение Симферопольского Унив[ерсите]та, пока же факультеты, которых нет в Симферополе: экономический и историко-филологический. В общем, дело удастся. После него выступали еще многие другие, нашли и здание, правда, не одно. В одном нашелся зал для лекций, в другом – для библиотеки-читальни и для канцелярии. Папа – секретарь, временный, конечно. Я буду работать в библиотеке. 15-го III Университет должен быть открыт...

4 марта 1920. Приехали профессора из Симферополя, Н. И. П-ко с женой и дочерью Лелей, говорят, что ей 16 лет, но я думаю, что ей больше. Б. П. П-в – холостяк, очевидно, это *menage en trois*, уже давно налаженное. А финансист с женой Нат[альей] Дм[итриевной] будет жить в другом доме, недалеко от нас. Первым же двум К[онстантин] Э[дуардович] предоставил две комнаты налево от столовой. Итак, у нас в Музее уже заселено все, направо от столовой – комната М[итрофана] В[икторовича], потом кабинет К[онстантина] Э[дуардовича], налево от нее – мы с Папой. Везде, конечно, во всех комнатах огромные полки до потолка с книгами, все их приобрел К[онстантин] Э[дуардович] для музея у жены бывшего директора, который умер...

5 марта 1920. М[итрофан] В[икторович] просил меня помогать ему в составлении планов и лекций. Я делаю это охотно и мы все вечера, таким образом, проводим вместе. Собираем библиотеку для Университета. А климат здесь чудесный, уже в конце февраля стало тепло, а сейчас весна в разгаре, так приятно гулять или ходить куда бы то ни было, по делу и без дела.

21 марта 1920. Жизнь несется. Хотя я и далеко от дома, а жизнь очень интересная, Университет открыт, на лекциях толпы, прибывают без конца все новые и новые желающие. Людв[иг] Леон[идович] – делопроизводитель канцелярии Ун[иверсите]та. Археологич[еские] курсы, конечно, прекратили свое существование, и стало тоже не до Скарабея, все-таки мы по субботам собираемся у Ел-х.

6 АПР[ЕЛЯ] 1920. На днях пришел и расположился под Керчью Сашин полк. М[итрофан] В[икторович] нанял извозчика и мы поехали разыскивать Сашу. И нигде его нет. Никто ничего сказать не может. Посоветовали ехать в Еникале в штаб полка к командиру князю Гагарину. Поехала на катере...Принял меня командир очень приветливо... о Саше ничего не говорит – скажет все адъютант, когда пойдет

проводить меня на катер. И тот сказал, что часть полка попала в окружение, пришлось ночью всем спастись бегством, каждый думал только о себе. А Саша был болен и лежал в лазарете с температурой, с ним были два солдата. Лазарет и больных увезти было невозможно. А утром часть вернулась на это место. На перекладине болтались три трупа. Выдали мне справку, что я вдова. Вот и конец нашей жизни с Сашей. Я даже не могу почему-то плакать.

29 АПР[ЕЛЯ] 1920. Сегодня особенно тяжелый день, какой-то тоскливый. М[итрофан] В[икторович] до сих пор болен возвратным тифом. Быть больным, кажется, легче, чем ухаживать за больным. Очень страшно было ночью, когда был кризис и д-Росси К-ш сказал, что надо не упустить момент, когда будет резкое падение температуры, тут же надо будет дать рюмку коньяку... Больше месяца уже прошло, как была эвакуация Новороссийска.

18 МАЯ 1920 Вчера я получила от М[итрофана] В[икторовича] объяснение в любви. Была суббота и четыре офицера, с которыми мы познакомились на полковом празднике, пригласили нас погулять по набережной, где гуляет под музыку весь Керченский beau-monde. Только я начала переодеваться, как входит М[итрофан] В[икторович] начинает возмущенно говорить, как мне не стыдно – у меня так недавно погиб муж, а я иду гулять на мол с офицерами и т.п. Я так и обомлела: ведь мне разрешил это мой отец, он видит как мне тяжело, что может означать такая прогулка компанией: с Лелей и офицерами нас шесть человек, да и по какому праву Вы мне все это говорите? – Как по какому праву, разве Вы не видите, что я Вас люблю, я как раз собирался говорить с Вашим отцом об этом, но считал, что слишком еще рано. Я стала его просить уйти, чтобы нас не застали вдвоем в моей комнате, говоря, что я поражена его словами и ни о чем таком сейчас не могу думать, а гулять пойти сейчас все равно надо, т.к. меня ждут и мне надо переодеться скорее. Иначе кто-нибудь сюда придет, или Леля или папа.

Вечер я провела как в тумане. Кто бы мог подумать! Мне 18 апреля исполнилось 26 лет, а ему в июне будет 53, но он такой, правда, интересный человек и такой добрый-предобрый, хотя и очень вспыльчивый. По его словам, в семейной жизни ему не везло. Первая жена – курсистка умерла от чахотки. Он был тогда студентом первого курса. Вторая жена, очень красивая, дочь Киевского врача, из очень богатого купеческого рода. Через 10 лет совместной жизни они разошлись окончательно. Ради детей (два сына и дочь) они жили в одной квартире с разными подъездами, один – к ней, другой – к нему.

21 НОЯБРЯ (4 ДЕК[АБРЯ]) 1920. Сегодня мы с М[итрофаном] В[икторовичем] переехали из Музея в отдельную комнату. Как мне тяжело, что Папа против. Он не понимает моего чувства, уверяет, что Саша, мож[ет] быть, и не погиб.

12 ДЕК[АБРЯ] 1920. Как мало прошло дней и как много всяких событий! На душе все время тревога и тоска. Митя уезжал в Симферополь. Как я была рада, когда он вернулся цел и невредим!..

22 ДЕК[АБРЯ] 1920. Произошло самое ужасное. Я – одна. И Папа и М[итрофан] В[икторович] сейчас в пути на север. Пока известно, что до Джанкоя пешком. Папа – пять дней тому назад, а М[итрофана] В[икторовича] вчера. Совершенно неожиданно приехал ко мне Г-Г, бывший ученик М[итрофана]

В[икторовича] по Киевск[ому] Комм[ерческому] Инст[иту]ту, и предложил мне переехать к нему, в его семью, квартира у них большая. Завтра меня он перевезет.

25 ДЕК[АБРЯ] 1920. Живу у Г... Приснился мне сегодня ночью странный сон. Как будто бы я в Харькове, иду по какой-то улице на основе и вдруг навстречу Папа, Только я его узнала, как он упал. Проснувшись, я подумала, а что я, собственно говоря, здесь делаю? Зачем мне здесь оставаться одной? Сейчас как раз расклеены везде объявления, что учащимся разрешается выезжать к месту их учения. У меня есть справка, что я курсистка третьего курса Харьковских высших Женских Курсов. И я решилась. Надо выехать отсюда во что бы то ни стало, найти Папу и М[итрофана] В[икторовича] Днем узнала, что разрешение на выезд можно получить в местном С[овете] К[рестьянских] и Р[абочих] Д[епутатов], подав заявление.

27 ДЕК[АБРЯ] 1920. Разрешение на выезд в Харьков получила. Взяли у меня отпечаток большого пальца и на удостоверении моем с курсов поставили печать и написали, что мне разрешается бесплатный проезд до Харькова для продолжения учения на В[ысших] Ж[енских] К[урсов]. Из гимназии уволилась легко, никто там не знает, что будет с гимназией и с преподавателями. Завтра пойду к Папиному знакомому в столовую, не отправит ли он меня с кем-нибудь из его служащих, которые ездят на север за продуктами. Господи, я все делаю как во сне!..

10-го ЯНВ[АРЯ] 1921 г. Наконец, кажется, что-то определенное есть. 13-го в 11 веч[ера] отходит поезд на Север. Я поеду в теплушке с 4-мя матросами, которые командированы за продуктами в Харьков. ... Я должна быть с вещами на вокзале в 10 ч. веч[ера], выйти на платформу и у часов ждать, когда ко мне подойдет матрос и посадит меня в теплушку..

Вспомнилось почему-то вдруг, как недавно, в ноябре был очень теплый день. Я решила посидеть на бульваре и почитать. Только я села, как подходит ко мне цыганка и предлагает погадать. Я ей говорю: Нет, мне гадать не надо, ничего интересного Вы мне сказать не сможете. – Как не смогу? Тот, кого ты считаешь умершим, жив и скоро ты об этом узнаешь!

15 ЯНВ[АРЯ] 1921 г. От Керчи до Джанкоя ехали мы целую ночь и половину дня. Приехали в два часа дня. Ночь всю я не спала, так было страшно и жутко. Нашу теплушку перевезли на запасной путь. Поезд, к которому ее прицепят, будет только к вечеру, тогда и поедем дальше. Итак, времени для того, чтобы отыскать хоть какие-нибудь следы папы и М[итрофана] В[икторовича], у меня оказалось достаточно. Направили меня в Управление Этапного коменданта. Но его на месте не оказалось, ушел обедать и когда придет – неизвестно. Пошла я к нему домой... Прошу его отыскать в списках такие-то фамилии. Сначала он отказывался, говорил, что устал, что по сегодняшним дням он не обязан второй раз идти на Этапный пункт и т.д. Но я его так просила, так умоляла, что он, наконец, согласился и, придя со мной в кабинет, взял огромную книгу и стал в ней искать фамилии. У меня остановилось сердце. Наконец он сказал, что М[итрофан] В[икторович] вчера отправлен поездом в Харьков, а Папа заболел и лежит в Военном госпитале. Когда я наконец нашла папу, он подумал, увидя меня, что он бредит...

16-го ЯНВ[АРЯ] 1921 г. Я осталась в Джанкое... Военрук пообещал мне место библиотекаря с пайком, т.к. папа проболел, очевидно, долго. Так он и сделал.

Книги навалены кучами прямо на полу холодной комнаты, называемой библиотекой. В моем распоряжении матрос из слабосильной команды. Главврач предложил мне переночевать в его семье... Через два дня я получила ордер на комнату в квартире местного псаломщика к большому, даже можно сказать величайшему облегчению жены врача: она очень боялась, что я из госпиталя занесу насекомых. Я тоже почувствовала облегчение. Здесь мне хорошо. Правда, я здесь только с 6 ч[асов] веч[ера], когда надо уходить из госпиталя. А целый день я с папой, кормлю его, беседею. Он стал, как будто, поправляться, в библиотеку я ухожу часа на два, не больше, составляем каталоги книг, но больше двух часов в не отапливаемой комнате выдержать нельзя.

1 ФЕВР[АРЯ] 1921 Уже я здесь три недели. Прямо не верится. Жить тяжело во всех отношениях. Папа все не выздоравливает, возвратный тиф берет измором... Папа мне вчера вдруг говорит: ты знаешь, я все думаю о том, что одна ты жить все равно никогда не сможешь. Если захочешь, выходи за Митрофана Викт[орови]ча. У меня застрял в горле комок: где же он теперь и увижу ли я его когда-нибудь? Я ему, правда, дала адрес тети Мани и Вали и написала их адрес дочери М[итрофана] В[икторовича].

ХАРЬКОВ 22 МАРТА 1921 г. Вот уже скоро месяц, как я в Харькове. Папа умер в Джонкое 19 февраля в 6 ч. веч[ера]. Умер совершенно неожиданно... М[итрофана] В[икторовича] я нашла в Харькове в клинической больнице. У него нефрит и он уже начал терять зрение».

1. Непомнящий А. А. Українські історики та вивчення Криму у 1918 р. // II Міжнар. наук. конф. : Гетьман Павло Скоропадський та Українська Держава 1918 року : наук. зб., присв. 125-річчю від народження Гетьмана Павла Скоропадського та 80-річчю проголошення Української Держави 1918 року / Український наук.-досл. ін-т архівної справи та документознавства. – К., 1998. – С. 165–166; То же // Українські історики та вивчення Криму в 1918 р. // Студії з архівної справи та документознавства=Study on the archives and records sciences. – К., 1999. – Т. 5. – С. 200–201; Непомнящий А. А. Основание Таврического университета // Alma Mater : Університет Св. Володимира напередодні та в добу Української революції, 1917–1920 : матер., док., спогади : у 3 кн. – К. : Прайм, 2001. – Кн. 2 : Університет Св. Володимира за доби Української Центральної Ради та Гетьманату Павла Скоропадського. – С. 341–342; Непомнящий А. А. Арсеній Маркевич : страницы истории крымского краеведения. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 3). – С. 54–56 ; Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст : страницы истории крымского краеведения. – К. : Стило, 2012. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 15). – С. 37–38.

2. Гарчев П. И. Создание Таврического университета в Ливадии (по документам Центрального архива Крыма) // Ученые записки Симферопольский гос. ун-та. – 1998. – № 8 (47). – С. 9–10.

3. Лебедзева В. М. Удзел М. В. Доўнар-Запольскага ў беларуска-украінскіх перамовах 1918 г. // Даследчык Гісторыі трох народаў : М. В. Доўнар-Запольскі : зб. навук. артыкулаў і дакументаў / Гомельскі дзярж. ун-т : у 2 ч. – Гомель ; Рэчыца, 2000. – С. 96–106 ; Ямкова О. Учасць професора Митрофана Довнар-Запольскага в діяльності кийвських білорусках організацій у 1918 році // Чацвэртія Міжнародных Доўнараўскія чытанні / Гомельскі дзярж. ун-т : у 2 ч. – Гомель, 2004. – Ч. 1. – С. 64–70.

4. Палонская-Васіленка Н. Даўнар-Запольскі : зацемкі да біяграфіі // Запісы Беларускага інстытута навукі і мастацтва. – Нью-Ёрк, 1953. – № 1. – С. 20.

Поступила в редакцию 01.11.2012 г.